

В.С.Ржеуцкий

ВЫБОР ЯЗЫКА: ИЗ ИСТОРИИ ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКАМ В РОССИИ В ЭПОХУ ПЕТРА I*

Рассматривается история изучения языков в одной школе царствования Петра I — школе пастора Эрнста Иоганна Глюка. Глюк предлагал в своей школе целый ряд древних и восточных языков, которые не изучались в школах иезуитов. Глюк также вводит в программу своей школы французский язык, который не изучали у иезуитов. Именно с инициативой властей следует связать введение французского в институциональное обучение прежде всего как языка дипломатии, ведь школа находилась в ведомстве Посольского приказа. В то же время Глюк явно рассматривал французский как язык важный для дворянства, об этом свидетельствует его желание ввести в этой школе преподавание некоторых «благородных искусств». Однако школа Глюка так и не стала «дворянской академией», в которой французский мог бы занять особое место как культурный маркер дворянства. Очевидно, что власти видели в ней скорее учебное заведение, дающее возможность любому незакрепощенному человеку приобрести познания, в особенности в иностранных и древних языках.

Ключевые слова: изучение языка, Россия, царствование Петра Великого, школа пастора Глюка, образование дворянства

Вопрос о содержании программ обучения в российских школах в эпоху Петра I очень интересен, поскольку позволяет нам лучше понять образовательные стратегии властей и тех «старателей» образования, которым мы обязаны основанием первых школ. Меня заинтересовал вопрос языковой подготовки в этих школах. В известных нам «государственных» учебных заведениях петровского времени (таких, как Морская Академия, например), если их можно так назвать, живые иностранные языки как правило не преподавались. В первой школе братьев Лихудов и в Славяно-греко-латинской академии преподавались главным образом греческий и латынь. В то же время, на повестке дня стояли важные задачи, которые было трудно, если вообще возможно, реализовать без знания живых иностранных языков. Каким же образом русские изучали эти языки? История школы пастора Глюка, которой уже было уделено много внимания в историографии, мне кажется очень интересной в этом отношении, потому что она позволяет четче поставить вопрос о границах и о соотношении государственной и частной инициативы в области образования в петровской России.

Я обращаю внимание только на некоторые взаимосвязанные аспекты, такие как: социальный и профессиональный состав семей учащихся, выбор языков для изучения, модель образования / воспитания, предложенная учебным заведением, и вопрос о том, кому принадлежит инициатива в формулировке учебной программы. Сначала я кратко рассмотрю школы, которые предшествовали школе Глюка, однако только с тех точек зрения, о которых я упомянул; затем проанализирую те же аспекты в функционировании школы Глюка. Сразу же оговорюсь, что по ряду вопросов мы располагаем весьма ограниченной информацией, поэтому некоторые выводы носят гипотетический характер.

Школы иноверческих приходов в Москве

Первые школы в России, в которых русские могли изучать живые иностранные языки, не были организованы властями, а лишь получили разрешение на свою деятельность. Речь идет об иноверческих школах Москвы. Известно, что языкам обучали в школах, основанных при протестантских приходах Москвы [см. краткий очерк истории этих школ: 1, с. 74-79; о латинских школах, см. прежде всего: 2, с. 316-335]. Естественно, что преподавание там велось не на русском языке, а, скорее, на немецком, поэтому для русских обучение в подобных школах, да еще и среди детей иностранцев, было прекрасной возможностью познакомиться с новыми для них языками и прикоснуться к культурам разных стран Европы.

Были и латинские школы. Уже первые иезуиты — Шмит и де Буа — стали принимать детей для обучения (1684 г.). Нунций Вота в своем послании в Рим от 21 июля 1685 г. советовал, «чтобы юношество посещало школу, которая не ограничивается приемом только сыновей католиков и иностранцев, но принимает всех вообще, и я надеюсь, что тут юношество получит хорошее образование» [3; цит. по: 2, с. 318]. Позже иезуит Ержи Давид, который занимался этой школой в 1686—1689 гг., отрицал присутствие в ней православных детей, как до своего приезда, так и во время своей миссии. Однако, понятно, что ему трудно было бы признать присутствие детей православных в этой школе, потому что именно это ставилось в вину иезуитам. Достоверно известно о православных учениках в этой школе во время пребывания Милана (Эмилиана) и Бирулы, хотя почти все сведения мы черпаем из переписки самих иезуитов [2, с. 320]. В 1702 г., как сообщал кардинал Колонич, школу посещали «многие представители высшей знати», а в 1703 г. он же

* Ранняя версия статьи была опубликована на немецком языке: *Rjëoutski V. Die französische Sprache in der Adelserziehung der Regierungszeit Peters I.: Professionelle Sprache oder Charakteristikum der sozialen Identität? // Adel und Mehrsprachigkeit in der Frühen Neuzeit: Ziele, Formen und Praktiken des Erwerbs und Gebrauchs von Fremdsprachen / Hrsg. H.Gluck, M.Häberlein, A.Flurschütz da Cruz. Wiesbaden: Harrasowitz, 2018. S. 179-201.*

писал, что в Москве «открытые миссионерами школы посещают многие знатные люди этой нации» [цит. по: 2, с. 320]. В том же году прусский резидент Кайзерлинг писал, что иезуиты успешно привлекали к себе «детей больших господ посредством усердного обучения»¹. Если мы посмотрим на состав учеников, то увидим, что те из них, кого мы можем идентифицировать, принадлежат к ближнему кругу Петра I. Речь идет о семьях тех, кто, в силу своих профессиональных обязанностей на дипломатическом поприще, не могли не сознавать важности владения иностранными языками. Некоторые ученики этой школы сами станут дипломатами: И.Г.Головкин будет посланником в Голландии (1725—1728), А.И.Головкин будет посланником в Берлине (1711—1722, 1723—1727), Париже (1729—1731) и послом в Голландии (1731—1759) [5].

В издаваемой в Лейпциге газете “Acta Eruditorum” в августе 1705 г. можно было прочитать: «<...> отцы миссионеры-иезуиты в Немецкой слободе преподают юношам, помимо латинского языка и математики, также и военные науки»². Последний предмет, вероятно, был включен из того расчета, что он мог заинтересовать российское дворянство, для которого армия была одним из возможных мест приложения талантов. Тот факт, что об этой школе — очевидно, по инициативе Генриха фон Гюйссена — писала такая газета как “Acta Eruditorum”, одно из наиболее известных периодических изданий, публиковавших новости научной жизни на латинском языке — следует, вероятно, интерпретировать в том смысле, что российские власти расценивали существование подобной школы, пусть и под руководством иезуитов, как возможность показать европейским читателям развитие образования в России, что должно было благоприятно отразиться на образе страны в Европе. Гюйссен, как известно, был литературным агентом России и нередко публиковал в европейских периодических изданиях статьи, в благоприятном свете представляющие происходящие в России изменения. В “Acta Eruditorum” он опубликовал целый ряд статей, однако, по мнению автора фундаментального исследования об этом журнале, только с 1714 г. [см. 7, р. 114].

«Государственные» школы

Одной из первых «государственных» школ, в которых можно было изучать живые иностранные языки, была школа братьев Лихудов, существовавшая, по-видимому, в 1697—1700 гг., на которой я не буду отдельно останавливаться, поскольку о ней есть подробные работы Д.Н.Рамазановой [8-10]. В этой школе изучали итальянский язык. Она находилась в ведении Разрядного приказа. По крайней мере, один ученик этой школы, Моисей Арсеньев Иванов, стал впоследствии переводчиком Посольского приказа и участвовал в дипломатических миссиях.

В Москве существовали и школы, образованные при прямом содействии внешнеполитического ведомства, в которых обучали языкам [11, л. 54]. В июле 1701 г. в Москве при Посольском приказе была основана школа иностранных языков, в которой обучение было поручено Николаю Швиммеру (Nicolaus Schwimmer). У Швиммера уже был опыт обучения в лютеранских школах Москвы, а в 1701 г. он был взят на службу в Посольский приказ в качестве переводчика латинского, немецкого и шведского языков, но он также в какой-то степени владел французским [12, с. III, прим. 1]. Ему поручили обучение учеников латыни и немецкому [12, с. II; те же языки указаны в: 11, л. 3]³. В ноябре 1701 г. ему были даны в учение шестеро учеников: Яков и Иван Грамотины, Федор Богданов, Петр Губин, Семен Андреев, и Мещанской слободы тяглеца Степанов сын Самойло Копьев. В 1702 г. к ним добавился В.Кудревский [11, л. 54; 13, с. 91; 12, с. II]. Эти ученики были детьми дьяков из Посольского приказа, таким образом, в организации этой школы можно видеть попытку создать структуру профессиональной подготовки работников Посольского приказа, прежде всего, очевидно, переводчиков. В школе Швиммера обязанность выпускников поступить на службу в Посольский приказ была прописана с самого начала, что не оставляло учащимся иного выбора, по крайней мере, тем, кто был отдан Швиммеру в научение: «как они [учащиеся школы Швиммера] тем языком совершенно научатца им быть в переводчиках в государственном посольском приказе» (определение 1701 г.) [11, л. 54]. Швиммер был вынужден расстаться со школой ввиду того, что он недостаточно знал русский язык, отчего страдало преподавание. Курьез состоит, однако в том, что это не мешало ему работать переводчиком в Посольском приказе и переводить с латинского, немецкого и шведского на русский язык [13, с. 92]. Ученикам начали выплачивать стипендию из Посольского приказа, что опять же показывает государственную поддержку профессиональной подготовки работников дипломатического ведомства.

Школа пастора Глюка

С 1703 г. эта школа (а, точнее, ее ученики) перешла в ведение пастора Иоганна Эрнста Глюка (Johann Ernst Glück). Глюк был захвачен около Мариенбурга во время войны со Швецией и в качестве пленного переправлен в Москву вместе с семьей в начале января 1703 г. Биография Глюка хорошо известна, поэтому я не буду на ней останавливаться отдельно [13]. Он привлек внимание Посольского приказа, поскольку умел

¹ Пер. с нем.: «der grossen Herren Kinder durch fleissige Information ziemlich an sich gezogen hatten» [4, с. 208, цит. по: 2, с. 321].

² Пер. с лат.: «<...> neque minus et PP. Iezuitae Missionarii in suburbio Germanorum, praetor Latinam linguam, Mathesin atque disciplinas militares adolescentes docent». [6, с. 389; цит. по: 2, с. 321].

³ Х.Глюк и И.Поланска полагают, что Швиммер также преподавал французский, однако не указывают на источник информации [13, с. 91].

«многим школьным, и математическим, и философским наукам на разных языках». Было приказано взять его «для своего великого г[осу]д[а]ря дела, з женою ево, и з детьми, и с челядники, из розряду в посольский приказ» [11, л. 1]. Глюк получил поручение заниматься этой школой тогда же в январе 1703 г.

Первыми учениками, поступившими к Глюку на учебу, были Аврам, Исак и Федор, сыновья стольника Павла Веселовского, которые до этого учились частным образом у пастора новой лютеранской церкви Юстуса Шаршмидта (Justus Scharschmidt). Веселовские должны были учиться у Глюка немецкому и латинскому языкам [11, л. 2 об.]. При этом Посольский приказ требовал, чтобы пастор учил этих учеников с «присным радением», чтобы научить их «непродолжительном времени» [11, л. 3 об.]. Ученикам опять же выплачивалась стипендия: «Великого г[осу]д[а]ря жалованья тем подъяческим и стольничьим детям учинено и вовся годы давано по десяти денег ч[e]л[о]в[е]ку надень ис посольского приказы и дано им генваря по 1 число» [11, л. 54]. К этим ученикам в 1704 г. добавились еще два ученика, также сыновья служащих Посольского приказа, сын дьяка Ивана Волкова Петр и сын подъячего Никитина Алексей [11, л. 54 об.]. Еще одним учеником (из дворян?) был Юрий («Юрген») Гагарин. По известным данным, примерно таким — около дюжины учеников — состав оставался и в 1704 г. [13, s. 130].

При этом жалованье Глюку не было определено, поэтому он вынужден был просить назначить ему жалованье, «чем бы ему з женою и з детьми, и с челядники мочно было прокормиться, и чтоб ему голодную смертью не помереть» [11, л. 2 об.]. К главе Посольского приказа Глюк обращался с просьбой оценить работу его школы: так (декабрь 1703 г.?) он просит Головина изволить «учительную работу нашу пересмотрети и учеников испытати» [11, л. 9]. Он также организовал отчетность: так он просил, чтобы ему поручили «ведомость чинити» ради «высочайшаго школнаго учреждения» [11, л. 10]. Все это показывает, насколько школа зависела от Посольского приказа. В то же время ее вряд ли можно рассматривать как чисто ведомственную школу. Глюк имел, судя по всему, значительную свободу как в выборе персонала своей школы, так и в определении программы обучения.

В объявлении властей о школе Глюка говорилось, что выпускников «в его великого г[осу]д[а]ря службу неволею взять не будет». Это положение уточнялось: «в ту науку в службу сущим незаписываться кроме недорослей. А кто выучась пожелает быть в службе, и будет бить челом Великому Г[осу]д[а]рю о каких чинех и тем по состоянию и искусству будет ево Великому Г[осу]д[а]ря м[и]л[о]сть и взыскание» [11, л. 52-52 об. Текст воспроизведен также в: 13, s. 99-100]. Небезынтересно, что литературный агент Генрих фон Гюйссен, находившийся тогда на русской службе, напечатал известие об открытии этой школы в лейпцигской газете «Acta Eruditorum» в августе 1705 г., также подчеркнув, что школа получает финансовую поддержку от царя и что выпускники освобождаются от военной службы и что им обеспечена прекрасная карьера [13, s. 101]. Освобождение от обязательной государственной службы было немаловажным условием, так как было понятно, что обязанность после окончания поступать на государеву службу во время войны могла отвратить желающих от поступления в эту школу. Таким образом, власти явно рассматривали школу Глюка не как узкопрофессиональную школу будущих работников дипломатического ведомства — перевод школы из ведения Посольского приказа в ведение Ингерманландской канцелярии, а затем Петербургской канцелярии, как мне кажется, служит дополнительным подтверждением тому. В то же время, хотя школа позиционировалась как общедоступная (обучение было бесплатным), она рассматривалась и как возможный источник квалифицированных кадров для государевой службы. Однако, позже, в 1709 г., школа рассматривается как питомник переводческих кадров для Посольского приказа [12, с. 98 и далее]. При этом во всем просматривается желание увеличить число учащихся без обязательного использования «административного ресурса». Так, в 1705 г. Ингерманландская канцелярия должна сообщить «московских чинов люди полковые службы хто имяны и какой науки и с которого году и м[еся]ца и числа в школах, и хто из них от ученья был» [11, л. 53].

Французский язык и «благородные искусства» в школе Глюка

Глюк предлагал весьма широкий набор предметов для России того времени. Вот как было записано его предложение в Посольском приказе:

Мариенбургский препозит или Абпт взятой в полон именем Глик родом из Гала доносит: что может он его царскому величеству служить в науке детей различным хитростям, а имянно: латынского, немецкого, еврейского и иных восточных языков; також на славенском языке риторике, философии, геометрии, географии и иным математическим частям и политике, гистории и прочим к гражданским наукам принадлежащему; да он же искусен и врачеванию и может учить [11, л. 47-48 (без указания точной даты). См. также: 13, s. 94-95].

В начале 1705 г., за несколько месяцев до смерти пастора, учебная программа заведения выглядела так:

Каталог учителей и наук⁴. А) Иоанн Рейхмут учит географию ис философии делательныя Итику и Политику, такожде и вышним учеником латынский реторическим изъяснением разполагает от гисторических авторов Курция и Иустина, от поетических же Виргилия и Орация истолкует и своих ко Орацию-творению проводить. Б) Христиан Бернард Глик учит философию Картезианскую, когда угодные ученики будут, такожде и язык греческий, еврейский, сурийский и халдейский в пользу всем охотником феологских сладостей. Г)

⁴ Документ был получен в Ингерманландской канцелярии 5 мая 1705 г.

Иоанн Мерла⁵ французского языка учитель всем охотником сего языка доброхотне помогает. Д) Иоанн Густав Вурм фестибул латино-немецкий и Ануу латынскую ясно научает и граматическая основания непрестанным прилежанием полагает. Е) Отто Биркан научит первых зачатников по немецки и по латынски читати и писати и арифметическую науку изъяснить. Ж) Стефан Рамбур⁶, танцевальный мастер телесное благолепие и комплементы чином немецким и французским научает. 3) Иоанн Штурмевель конский учитель охотников от первых детей научает кавалиерским чином ехати и лошадей во всяких шволах и манieraх умудрити [12, с. 53; воспроизведено в: 13, S. 131].

Очевидно, что именно на изучение языков отводилось больше всего времени и именно на них делался основной акцент. Так, составленный Паусом в феврале 1706 г. внутренний распорядок запрещал ученикам говорить в школе по-русски для скорейшего освоения иностранных языков [13, s. 102]. А записи в актах петербургской канцелярии 1706 г. свидетельствуют о том, что на преподавание языков тратилось очень много времени: так учитель Биркан (Birkhan) учил чтению и письму на немецком 6 ч. в день, Вурм (Wurm) преподавал «средним» немецкий 6 ч. в день, Рютих (Rüttich) — латынь начинающим 5 ч. в день и т.д.⁷ [12, С. XIII; воспроизведено в: 13, s. 133]. В октябре 1706 г. в школе на 40 русских учеников (из них 12 получали стипендию) приходилось 9 учителей разных языков [13, S. 103]. О том, что языки находились в центре программы этого заведения свидетельствуют и книги для изучения языков в школьной библиотеке, о которых есть неполная информация: это были немецкие азбуки, Библия и катехизис на немецком языке, *Vestibulum* и *Orbis pictus* Коменского и т.д. [13, s. 103].

Глюк, судя по всему, не владел в достаточной степени французским. Однако в своем письме от 15 декабря 1703 г. в Посольский приказ он сообщает о приглашении учителя французского языка: «<...> учителя ради Французского, которого я по ц[а]рскому указу принял и [30] рублей задатных денег ему дал, и до ныне поил да кормил» [11, л. 9 об.]. В Посольском приказе с его слов было также записано, что он «в надежде на милость великого государя принял одного учителя французского языка и переводить грамматику французскую на словенский язык для удобнейшего учения» [11, л. 47-48 (без указания точной даты)]. См. также: 13, s. 94-95]. Глюк напоминал о необходимости издания учебных пособий в его переводе: он просил Посольский приказ издать «некоторые от переведенных книг, и между ними сперва книга глаголемая Преддверие и познание рускаго, немецкаго, латинскаго, и французскаго языков», и замечал, что «вскоре при школьных делесах явно будет, колику и какову ползу такими книгами г[осу]д[а]рства вашего ученики и охотники будут приобретати» [11, л. 9 об. (декабрь 1703 г.?).]. Однако, для чего именно был необходим французский в этой школе? На этот вопрос мы не находим ответа у исследователей образования этой эпохи.

Особое внимание в программе Глюка привлекают такие предметы как танцы, «телесное благолепие» и верховая езда. Причем, как мы видим, отсутствует другой важный элемент — фехтование. Как можно расценивать стремление Глюка включить эти «искусства» и почему он не включает фехтование? В письме, которое Глюк адресовал Франке 8 марта 1704 г. [16, D 84; см. извлечения из этого письма в: 13, s. 96], он аргументирует свое решение включить эти дисциплины в курс наук своей школы, реагируя на критику со стороны пиетистов, проживавших в Москве. Глюк пишет, что, по его мнению, было бы абсурдным требовать, чтобы христианин обходился без таких «украшений» как умение изящно кланяться или ездить на лошади, что христианин не обязан быть неотесанным, как крестьянин⁸. Он объясняет, что, хотя русские уже носят немецкое платье, однако кланяются все еще по-русски. Защищаясь от нападок своих оппонентов, Глюк пишет, что не делает ничего дурного («Böses»), вводя уроки танца, к тому же учитель будет следить за детьми на протяжении всего урока, чтобы не произошло чего-нибудь порочного. Также «невинным» («innocent») упражнением называет он верховую езду. Единственное упражнение, которое он предпочитает не включать — это фехтование. Он лишь пишет, что это — «совсем другое дело» («eine ganz andere Bewandtnis») и что среди русских фехтование совсем не вызывает интереса и что, слава Богу, во владениях царя о дуэлях даже не слышно [13, s. 96].

Фехтование, возможно, действительно еще не пользовалось спросом, а, может быть, Глюк намеренно не включает его, думая, что это переполнит чашу терпения его миролюбивых и набожных друзей-пиетистов. Танцы и верховую езду он включает, вероятно, потому, что думает, что эти дисциплины будут пользоваться спросом у русского дворянства. Также и французский был им, возможно, включен с той же самой целью. Действительно, в представлении образованного европейца того времени французский язык ассоциировался с «благородными искусствами» (такими как верховая езда и танцы), которые все вместе занимали центральное

⁵ Жан Мерло (Merlot), настоящая фамилия которого — Ламбер (Lambert). Это один из немногих «русских французов» того времени: его отец Андре Ламбер уже жил в Немецкой слободе, где ему принадлежал дом.

⁶ Степан (а по-французски Этьен) Рамбур (Rambourg) с 1703 г. был учителем танца царевен Екатерины, Прасковьи и Анны, дочерей царя Ивана Алексеевича и племянниц Петра. 14. 15, с. 128, 130. В 1705 г. эта школа переходит в ведомство канцелярии, во главе которой стоял кн. А. Меншиков. В 1716 г. Меншиков был крестным отцом Анны Рамбург, возможно, дочери Этьена Рамбур.

⁷ В начале 1706 г. также преподавался шведский язык.

⁸ Пер. с нем.: «<...> alles Decorum in der Christenheit aufzuheben, duncket mich ebenso absurd, als gottlos es ist, unter dem Namen des Decor alle Uppigkeiten zu verstaten. Ein jeder Vater auch der frömmste Theologus, lehret sein Kind, wie es sich zierlich und bescheiden bücken und gegen andere wol erstellen solle, auch ist man darümb nicht ein besserer Christe, wenn man sich nur fein ungeschliffen als ein Bauer aufführt» [цит. по: 13, s. 96].

место в воспитании дворянина. Можно поэтому предположить, что Глюк намеревался сделать из этой школы своего рода дворянскую академию. Согласно интерпретации В.О.Ключевского, именно о школе Глюка кн. Б.И.Куракин написал в своей автобиографии: «Того года заведены школы разных языковъ учиться, и просто назвать академія, и кавалерскихъ наукъ на лошадяхъ, и на шпагахъ, и бандиере, и музыке, инженерству» [см.: 17, с. 269; 18]. Куракин в тексте своей автобиографии однако не говорит прямо, что имеет в виду школу Глюка.

Если попытка сделать из своей школы академию кавалерских наук и была, она не дала результата по нескольким причинам. Во-первых, власти явно не стремились сделать это учебное заведение закрытым дворянским заведением, что отчетливо проявилось в официальном объявлении о ней, которое было сделано только в 1705 г., 25 февраля. В нем говорилось: «<...> для общия всенародныя пользы учинить в Москве школу на дворе В.Ф.Нарышкина, на Покровке».

А в той школе бояр и окольничих и думных и ближних и всякого служилого и купецкого чина людям детей их, которые своею охотою приходят и в тою школу записываться станут учить греческого, латинского, италийского, французского, немецкого и иных разных языков, и философской мудрости», причем «будет учить без всякой заплаты каким наукам кто похочет [11, л. 52-52 об.; текст воспроизведен также в: 13, с. 99-100].

Таким образом, социальный состав потенциальных учеников очень широк, хотя перечисление и начинается с дворянства. В объявлении упоминаются в основном языки, при этом ни слова не говорится о танцах и верховой езде, а французский никак не выделяется среди других языков. Это наводит на мысль о том, что для российских властей эта часть программы Глюка казалась не столь важной, либо даже входила в противоречие с желанием привлечь в школу широкие круги населения (в объявлении школа названа «общей» и «всенародной»). Во-вторых, нет сведений о сколько-нибудь значительном количестве дворянских отпрысков, учившихся в этой школе. При Глюке, кажется, единственным дворянским учеником школы был упомянутый выше Юрий (названный Глюком «Юргеном») Иванович Гагарин. Глюк упоминает его в письме Франке от 8 марта 1704 г. [опубл. в: 19, с. 373-378]. Речь идет о сыне кн. Ивана Михайловича Гагарина. Вероятно, это будущий российский агент при австрийской армии, который, под именем Вольского, будет руководить группой по захвату Аврама Веселовского, другого выпускника школы Глюка, который решит остаться за границей и станет одним из первых русских «диссидентов» [20]. Следующие ученики из дворянских семей поступят в школу уже после смерти Глюка, в 1705 г.⁹. Ставший после смерти Глюка «ректором» Вернер Паус, который будет отрешен от этой должности в июле 1706 г. из-за многочисленных жалоб преподавателей, расширил школу, на которую власти выделили в 1705 г. 3 000 руб., очень значительную по тем временам сумму, и для которой дали здание на Покровке (ныне Маросейка, д. 11). Согласно указу от ноября 1705 г., в школу должны были принять 100 человек, однако на самом деле число было значительно меньше: на момент смерти Глюка было 30 учеников, а в апреле 1706 г. — 40, в числе которых были и дворяне [13; с. 102].

Можно также задаться вопросом, была ли в то время, даже в кругу дворян, близких к Петру, четкая ассоциация между дворянским статусом и определенной моделью воспитания, в которой и французский язык и «благородные искусства» занимали бы важное место. Конечно, танцам обучали детей в семье царя (по крайней мере, с 1703 г.), однако, это кажется довольно исключительным явлением. Французский без сомнения уже был таким маркером дворянского воспитания для многих дворян петровского времени, об этом свидетельствуют, например, известные нам договоры с гувернерами этого времени [Напр., 14]. Однако танцы и верховая езда в них не упоминаются, хотя, возможно, им обучали другие учителя.

Вопросы и гипотезы

В том, что касается набора языков, между школами иезуитов и школой Глюка было несколько отличий. Глюк предлагал целый ряд древних и восточных языков, которые не предлагали иезуиты. В значительной степени это связано с его личностью, ведь это был незаурядный знаток языков. Это не касается французского: ни Глюк, ни члены его семьи не знают этот язык в достаточной степени, однако Глюк вводит его в программу своей школы. Иезуиты же, судя по известным нам сведениям, не преподавали французский в своих заведениях. Вероятно, именно с инициативой властей следует связать введение французского в институциональное обучение, прежде всего, как языка дипломатии — ведь растущую роль французского в этой сфере невозможно было не заметить, да и количество документов, написанных на французском языке, и французских специалистов разных областей, показания которых по приезду в Россию нужно было переводить на русский, стало расти, начиная со времени Великого Посольства [см. 22]. Однако этот рост все-таки не был, как мне кажется, очень значительным в годы, предшествующие основанию школы Глюка. В то же время, можно предположить, что Глюк рассматривал французский как важный для дворянства язык, об этом, кажется, свидетельствует желание ввести преподавание некоторых «благородных искусств» в его школе (возможно, нереализованное, поскольку учитель танцев Рамбург, кажется, так и не начал работать в этой школе). Школа Глюка так и не стала «дворянской академией», в каковой французский мог бы занять особое место как культурный маркер дворянства. Если эти предположения верны, то получается, что в выборе французского

⁹ Поэтому нам не кажутся корректными такие комментарии относительно школы Глюка в первый период ее существования: «Петр стремился сделать молодое дворянство проводником западных светских обычаев и приличий в русском обществе» [21].

власти и Глюк преследовали разные цели. Это подтверждается, как было сказано выше, и указанием на слои населения, для которых была открыта эта школа.

Можно было бы возразить, что, несмотря на прямую административную зависимость школы от внешнеполитического ведомства — Глюк отчитывался перед главой Посольского приказа — студентов не обязали поступать на государственную службу, а школа позиционировала себя как место, дающее возможность любому незакрепощенному человеку — однако, за исключением государственных служащих! — приобрести познания, в особенности в иностранных и древних языках. Как увязать введение французского как важного для дипломатии языка и освобождение от обязанности поступать на службу в Посольский приказ? Возможно, речь шла об уловке, целью которой было привлечь желающих учиться, ведь в любом случае поступление на государеву службу было для многих студентов одним из очевидных источников заработка, а Посольский приказ — наиболее естественным местом приложения своих познаний в языках.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ФДНЧ, в рамках научного проекта № 20-513-22001.

1. Ковригина В.А. Иноверческие школы Москвы XVII — первой четверти XVIII в. // Педагогика. 2001. № 2. С. 74-79.
2. Флоровский А.В. Латинские школы в России в эпоху Петра I // XVIII век. Сб. 5. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1962. С. 316-335.
3. Ватиканский архив, Nunziatura di Polonia, m 104 (копия из собрания Е.Ф.Шмурло).
4. Dukmeyer Fr. Korbs Diarium in Moscoviam und Quellen. Bd. I. Berlin, 1909. VIII, 462 s.
5. Дипломаты Российской империи [Электр. ресурс]. URL: <http://www.rusdiplomats.narod.ru/> (дата обращения: 07.06.2020).
6. Acta Eruditorum, август 1705. Lipsiae.
7. Laeven H. The Acta Eruditorum under the editorship of Otto Mencke (1644—1707): the history of an international learned journal between 1682 and 1707. Amsterdam, APA-Holland University press, 1990. 431 p.
8. Рамазанова Д. Источники для изучения Итальянской школы Иоанникия и Софрония Лихудов (челобитные учеников и учителей) // Очерки феодальной России. Сб. 13. М.-СПб., 2009. С. 293-313.
9. Рамазанова Д. Первая Итальянская школа в России (1697—1700) по документам Российского государственного архива древних актов // Проблемы италянистики. Вып. 5: Итальянские архивы в России — Российские архивы в Италии. М., 2013. С. 196-212.
10. Рамазанова Д.Н. Итальянская школа братьев Лихудов в Москве (1697—1700 гг.). М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. 408 с.
11. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 150. Оп. 1. 1703. Д. 1.
12. Белокуров С.А., Зерцалов А.Н. О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII в. Документы Московских архивов. 1701—1715 // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских, при Московском университете. 1907. Кн. I. Отд. 1. Т. 220. С. I-XLI, 1-244.
13. Glück H., Polanska I. Johann Ernst Glück. (1654—1705). Pastor, Philologe, Volksaufklärer im Baltikum und in Russland. Wiesbaden: Harrasowitz, 2005. 264 s.
14. РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 291. Письма и бумаги князя Александра Андреевича Черкасского и гувернера его детей Пирапа.
15. Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII — первой четверти XVIII вв. М.: Археограф. центр, 1998. 434 с.
16. Archiv der Franckenschen Stiftungen, D 84.
17. Куракин Б.И. Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина, им самим описанная. 1676 — июля 20-го 1709 г. // Архив кн. Ф.А.Куракина. Кн. 1. СПб., 1890. С. 241-287.
18. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Гл. 69. [Электр. ресурс]. URL: <http://www.bibliotekar.ru/rusKluch/69.htm> (дата обращения: 07.06.2020).
19. Winter E. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin, 1953. S. 373-378.
20. Серов Д. Загадки жизни резидента Авраама Веселовского [Электр. ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2007/01/22/serov/> (дата обращения: 07.06.2020).
21. Историко-документальный департамент МИДа [Электр. ресурс]. URL: https://idd.mid.ru/ru_RU/search?p_p_id=3&p_p_lifecycle=0&p_p_state=maximized&p_p_mode=view&p_p_col_id=column-1&p_p_col_pos=1&p_p_col_count=2&_3_struts_action=%2Fsearch%2Fsearch (дата обращения: 07.06.2020).
22. РГАДА. Ф. 150.

References

1. Kovrigina V.A. Inovercheskiye shkoly Moskvy XVII — pervoy chetverti XVIII v. [Heterodox schools in Moscow in the 17th — first quarter of the 18th century]. Pedagogika, 2001. no. 2, pp. 74-79.
2. Florovsky A.V. Latinskiye shkoly v Rossii v epokhu Petra I [Latin schools in Russia during the reign of Peter I]. XVIII vek, coll. 5. Moscow, Leningrad, 1962, pp. 316-335.
3. Vatican Archive, Nunziatura di Polonia, m 104 (a copy from E. F. Shmurlo's collection).
4. Dukmeyer Fr. Korbs Diarium in Moscoviam und Quellen, Bd. I. Berlin, 1909. VIII, 462 s.
5. Diplomaty Rossiyskoy imperii [Diplomats of the Russian Empire]. Available at: <http://www.rusdiplomats.narod.ru/> (accessed: 07.06.2020).
6. Acta Eruditorum, August 1705, Lipsiae.
7. Laeven H. The Acta Eruditorum under the editorship of Otto Mencke (1644—1707): the history of an international learned journal between 1682 and 1707, Amsterdam, 1990. 431 p.
8. Ramazanova D. Istochniki dlya izucheniya Italyanskoy shkoly Ioannikiya i Sofroniya Likhudov (chelobitnye uchenikov i uchiteley) [Sources for the study of Ioannikios and Sophronios Leichoudes Italian school (students and teachers' petitions)]. Ocherki feodalnoy Rossii, coll. 13. Moscow, Saint Petersburg, 2009, pp. 293-313.
9. Ramazanova D. Pervaya Italyanskaya shkola v Rossii (1697—1700) po dokumentam Rossiyskogo gosudarstvennogo arkhiva drevnikh aktov [The first Italian school in Russia (1697—1700) according to the documents of the Russian State Archive of Ancient Acts]. Problemy italyanistiki, iss. 5: Italyanskiye arkhivy v Rossii — Rossiyskiye arkhivy v Italii, Moscow, 2013, pp. 196-212.
10. Ramazanova D. Ital'yanskaya shkola brat'yev Likhudov v Moskve (1697—1700 gg.) [The Italian school of Ioannikios and Sophronios Leichoudes in Moscow, 1697—1700], Moscow, 2019. 408 p.
11. RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 150. Op. 1, 1703. D. 1.
12. Belokurov S.A., Zertsalov A.N. O nemetskikh shkolakh v Moskve v pervoy chetverti XVIII v. Dokumenty Moskovskikh arkhivov. 1701—

- 1715 [About German schools in Moscow in the first quarter of the 18th century. Documents of the Moscow archives]. Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey rossyskikh, pri Moskovskom universitete, 1907, b. I, sec. 1, vol. 220, pp. I-XLI, 1-244.
13. Glück H., Polanska I. Johann Ernst Glück. (1654—1705). Pastor, Philologe, Volksaufklärer im Baltikum und in Russland, Wiesbaden: Harrasowitz, 2005. 264 s.
 14. RGADA. F. 11. Op. 1. D. 291.
 15. Kovrigina V.A. Nemetskaya sloboda Moskvy i eye zhiteli v kontse XVII — pervoy chetverti XVIII vv. [The German Quarter of Moscow and its inhabitants at the end of the 17th — first quarter of the 18th centuries], Moscow, 1998. 434 p.
 16. Archiv der Franckenschen Stiftungen, D 84.
 17. Kurakin B.I. Zhizn' knyazya Borisa Ivanovicha Kurakina im samim opisannaya. 1676 — iyulya 20-go 1709 g. [The life of Prince Boris Ivanovich Kurakin described by himself. 1676 — July 20 1709]. Arkhiv kn. F.A.Kurakina, b. 1, Saint Petersburg, 1890, pp. 241-287.
 18. Klyuchevsky V.O. Russkaya istoriya. Polny kurs lektsy [Russian history. Full lecture course], ch. 69. Available at: <http://www.bibliotekar.ru/rusKluch/69.htm>. (accessed: 07.06.2020).
 19. Winter E. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert, Berlin, 1953, pp. 373-378.
 20. Serov D. Zagadki zhizni rezidenta Avraama Veselovskogo [The mysteries of the life of the resident Abraham Veselovsky]. Available at: <http://polit.ru/article/2007/01/22/serov/> (accessed: 07.06.2020).
 21. Istoriko-dokumentalny departament MIDa [Historical and Documentary Department of the Ministry of Foreign Affairs]. Available at: https://idd.mid.ru/ru_RU/search?p_p_id=3&p_p_lifecycle=0&p_p_state=maximized&p_p_mode=view&p_p_col_id=column-1&p_p_col_pos=1&p_p_col_count=2&_3_struts_action=%2Fsearch%2Fsearch (accessed: 07.06.2020).
 22. RGADA. F. 150.

Rjéoutski V.S. Language choice in the history of language teaching in Russia in the age of Peter I. This article discusses the history of language learning in one of the schools in Russia during the reign of Peter I, the school run by Pastor Johann Ernst Glück. Glück offered in his school a number of ancient and oriental languages that were not studied at Jesuit schools. His school's curriculum also included French, a language which Jesuits did not teach in their schools either. French was introduced in this school thanks to the initiative of the authorities, no doubt because it was considered to be important in the field of diplomacy. This school was indeed subordinated to the Posolsky prikaz or the Foreign department. At the same time, Glück seems to have regarded French as an important language for nobility, which is evidenced by his intention to introduce the teaching of some "noble arts" in his school. However, Glück's school did not become a "noble academy" where French could take a special place as a cultural marker of nobility. Obviously, Russian authorities rather considered that this school should be an educational institution aimed at giving any free person and not exclusively nobles the opportunity to acquire knowledge, especially in foreign and ancient languages.

Keywords: language learning; Russia; reign of Peter the Great; school of Pastor Glück; education of nobility.

Сведения об авторе. Владислав Станиславович Ржеуцкий — к. ист. н. (специальность 07.00.02), научный сотрудник Германского исторического института в Москве; ORCID: 0000-0001-8434-6671; rjeoutski@gmail.com.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 01.06.2020. Принята к публикации 01.07.2020.